

Пожалуй, только раздел о мусульманах (автор — Б. М. Михайлов) написан малоинформативно. В нем крайне лапидарно изложен как советский, так и постсоветский период развития ислама в Санкт-Петербурге. В оправдание автора можно сказать, что этот период в истории петербургского ислама практически не изучен.

Если анализировать работу с учетом исходной концептуальной позиции (вся история религий Санкт-Петербурга как *социальная* история его общин), то это учебное пособие, безусловно, получилось, т. к. выдержан принцип единства изложения материала. К тому же, учитывая то, что эта работа является пособием по курсу «Ис-

тория города», можно говорить о ее безусловной полезности для преподавателей истории, т. к. в ней дан значительный объем информации по тем вопросам, которые никак не освещаются в иных учебных пособиях по истории. Так что авторский коллектив под руководством профессора В. В. Аржанухина⁸ можно поздравить с успехом.

¹ См.: Эрвье-Леже Д. Социология религии во Франции: от социологии секуляризации до социологии современной религиозности // Журн. социологии и социал. антропологии. Спец. вып. 1999. С. 232–241.

² Религии Санкт-Петербурга: Ист.-культур. атлас: Учеб. пособие для сред. шк. Санкт-Петербурга по предмету «История города» / Под ред. Аржанухина В. В. СПб.: Союз, 2002.

³ Шульц С. С. (мл.) Храмы Петербурга: история и современность. СПб., 1994. С. 43.

⁴ Этими тремя святыми, конечно, список покровителей нашего города не ограничивается. См. последнюю по этому вопросу работу: Небесные покровители Санкт-Петербурга / Под ред. О. С. Надпорожской. СПб., 2003.

⁵ См., например: Семенов В. Е., Алексеев И. С. Центры и фигуры влияния православного Петербурга 1990-х гг. // Журн. социологии и социал. антропологии. 2001. Т. IV. № 3. С. 159–170.

⁶ Религии Санкт-Петербурга: Ист.-культур. атлас. С. 107.

⁷ Там же. С. 204.

⁸ Весьма прискорбно, что редактор и инициатор этого издания Владислав Владимирович Аржанухин недавно скончался.

Рецензия на книгу Бенгта Янгфельдта «ШВЕДСКИЕ ПУТИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ГЛАВЫ ИЗ ИСТОРИИ О ШВЕДАХ НА БЕРЕГАХ НЕВЫ».

ПЕРЕВОД СО ШВЕДСКОГО Ю. Н. БЕСПЯТЫХ.

СТОКГОЛЬМ: ШВЕД. ИН-Т; СПБ.: БЛИЦ, 2003. 400 с.

А. С. Кан

Ваша вторая столица — город на Неве — отпраздновала свое трехсотлетие, едва ли не главное культурное событие России в нынешнем году. Особенность юбиляра и юбилейных торжеств — их многонациональный характер. Больше, сильнее всего, помимо самих россиян, торжества привлекли и вовлекли бывлых владельцев неевского устья — моих шведских земляков. Рецензируемая книга — издание государственного Шведского института (аналог бывшего советского Союза обществ дружбы с зарубежными странами) и вместе с тем видная, если не виднейшая часть юбилейной российской серии «Многонациональный Петербург».

Автор ее — доктор наук, культуролог, знаток русского Серебряного века, издатель переписки Маяковского с Лилей Брик и собственных бесед с «Ромкой Якобсоном» — русско-американским лингвистом и литературным критиком, автор воспоминаний о своем друге — покойном поэте Иосифе Бродском. На «серый» советский Ленинград, на эпоху социализма Янгфельдт глядит глазами шведских обитателей бывшего Санкт-Петербурга и не видит там ничего, кроме всеобщего упадка, бескультурья и террора.

Сказанное помогает понять пафос книги, но не предопределяет ее оценки. Перед нами научно-популярное произведение высокого класса. Во введении уточняется предмет книги — шведы по языку

и культуре в императорском Петербурге, а также до него — на месте будущей новой столицы России. Названы шведские и финские предшественники автора, учтена их критика (в шведском издании книги 1998 г. шведоязычные финляндцы — российские подданные — порой подавались как собственно шведы), отмечена полезность русско-шведских семинаров «Швеция и Санкт-Петербург», давших автору много новых сведений из российских источников, письменных и устных.

Шведская славистика, одна из старейших в Западной Европе, заслуживала бы особого рассмотрения¹. В этой области у шведов есть свои излюбленные хорошо возделываемые участки и общепризнан-

ные заслуги: норманнские археологические памятники киевской поры; население русского Северо-Запада под великодержавной шведской властью; история православия на Руси, иконописание; русско-шведские отношения, древнерусские язык и письменность XVII века²; русская поэзия и русско-шведские литературные связи Серебряного века. Исторические перемены в СССР, его распад и культурно-политическая эмансипация российской провинции, в особенности годами дискриминируемого Ленинграда, не замедлили сказаться и на дремавшей до поры русистике, подкормили ее соответствующими субсидиями и возродили традиционный интерес шведских гуманитариев к России и петербургскому периоду в ее истории. При шведской денежной поддержке проходили в северной столице семинары и выставки, издавались каталоги и сборники. «Шведское возрождение» на русской ниве шагнуло и за пределы Петербурга: в Москве успешно действует Российско-шведский научно-учебный центр при Государственном гуманитарном университете³.

Вернемся, однако, к предмету рецензии. Из пяти неравных частей книги, вне сомнения, главная вторая — «Город Петра» (150 с.). Здесь перед читателем проходят шведские владельцы пожалованных Петром городских и пригородных имений, шведские пленники — строители Петербурга, шведские приходы и школы императорской столицы, политико-династическое и культурное сближение при Екатерине II и Густаве III, а затем — светила главных «шведских» профессий Петербурга — естествоиспытатели и астрономы, придворные портные и ювелиры, живописцы и архитекторы, танцовщики и балаганные артисты, наконец, предприниматели во главе со зна-

менитейшей шведско-русской фамилией — разумеется, Нобелями. К этой главной части примыкает третья — «Скандинавы, северяне и шведы». Здесь автор рисует быт, досуг и мировоззрение не одних только «шведских», королевских шведов, но иностранных северян Петербурга вообще — финнов и финских шведов, датчан и норвежцев — в зените их процветания на рубеже XIX и XX веков.

На идиллическом фоне рождественских елок, русской масленицы и дачных белых ночей «последним днем Помпеи» предстоит следующая часть — «Город Ленина». Насиженный лютеранский мирок трудолюбивой, хорошо организованной, верноподданной шведской колонии сдули, по выражению сочувствующего автора, «безжалостные ледяные ветры» неожиданной, непонятной и вдвойне ненавистной большевистской революции. Отъезд российских шведов (никто из них, кстати, не погиб от рук большевиков) на свою мирную, но после Петербурга скупую и провинциальную, упорядоченную, но отнюдь не гостеприимную родину изображен в книге как проявление культурного упадка Санкт-Петербурга: великие свершения императорской эпохи пошли прахом! Авторский текст, написанный если не кровью, то слезами его героев, подкреплен уникальными документами революционной поры — письмами, справками, списками, рисунками и фотографиями. Кусочек 13-страничного списка требований отсидевшего в московской тюрьме инженера Харальда Халля к советскому государству особенно красноречив — тут подушки и полотенца, манжеты цветные и белые, чулки шерстяные и бумажные, «три дюжины воротничков», десять пар подштанников (с. 295). Не смягченные юмором, эти патетические кусочки «разбитого вдребезги» зву-

чат как обвинительный акт потерпевших и самого автора — их отечественника и бытописателя. После этого не требует комментария такая (четвертая) часть книги, как «Город Ленина». В ней советский Петербург/Ленинград «независимо от года или десятилетия» предстает царством уныния, ям на асфальте, людей с опущенными вниз глазами, равнодушными к судьбе города (с. 337).

В заключение обратим внимание читателя на первую часть книги. Здесь автор на основе шведских источников справедливо поправляет Пушкина: не «финский рыболов, печальный пасынок природы», не «приют убогого чухонца» были предшественниками новой столицы, но шведское генерал-губернаторство Ингерманландия с городком и крепостью Ниен с 2000 жителей на правом берегу Невы, между нею и Охтой, и знаменитой, средневековой еще крепостью Нотебургом/Шлиссельбургом у выхода с Ладоги в Неву. Впрочем, эти не известные широкому читателю сведения при всем желании не оправдывают заголовка первой части — «Петербург до Петербурга».

В последние годы Шведский институт издал или поддержал немало российских авторов⁴. Читатель будет, надо думать, признателен институту и за рецензируемую увлекательную и любовно иллюстрированную книгу. Читатель, вероятно, усмехнется, встречая неслестные оценки своих предков из уст тогдашних шведских деятелей, с явным удовольствием приводимые Янгфельдтом. Отзывы эти были естественны в пору частых шведско-русских войн⁵, и вплоть до недавнего прошлого, к сожалению, использовались правыми политическими силами Швеции для поддержания вражды и страха перед «вековым противником».

¹ См.: Кан А. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. Гл. 11.

² Последнее достижение Упсальского университета — издание уникального первоисточника по истории предпетровской России: Birgegård Ulla (издатель). J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684-87. Stockholm, 2002 (Slavica Suecana Series A — Publications. Vol. 1).

³ См.: Шведы в Москве: Материалы рос.-швед. науч. конф., Москва, 1-2 июня 2000 г. М., 2002.

⁴ Например, красочный очерк шведской истории журналиста Алексея Смирнова сквозь призму затонувших в Балтийском море шведских кораблей (Smirnov A. Svensk historia under vattnet. Vrak i Östersjön berättar. Stockholm, 2002).